

ЗА ГОРАМИ
ДРОЗД

— — — — —
◆
— — — — —
АЛЪ КАСАР

Аль Касар

За горами дрозд

<https://litres.ru/74271283>

SelfPub; 2026

Аннотация

Некоторые истории начинаются с события. Другие — с трещины, которую невозможно увидеть сразу.

Пока привычная реальность медленно распадается, прошлое возвращается в самых неожиданных образах, заставляя заново искать ответы на вопросы, которые казались давно решёнными. Но чем ближе становится истина, тем труднее понять, где заканчивается мир и начинается человек.

«За горами дрозд» — роман о памяти, выборе, вине и надежде, где каждая деталь оказывается частью единого замысла.

Содержание

Глава 1	4
“Очарование смертного”	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Аль Касар

За горами дрозд

Глава 1

“Очарование смертного”

Тени в снегу.

Уходят звери в долины:

Кто будет

гостем?

На склоне горы, среди заснеженных деревьев, мостится дом. Стеклом и металлом он стесняет окружающее пространство и стоит твёрдой цивилизацией в природе, заполняя пейзаж своим громоздким присутствием. Второй этаж этого строения нахотился крышей и преспокойно спит. Четыре деревянные балки снизу подпирают покрытую снегом широкую террасу: чуть не падая выступом, она хромает над оврагом, а в длине исчезает за угол. Здесь тихо, но только потому, что среда ещё осмысливается. Невидимая нить мироздания в подозрениях сна пытается определить, не является

ли предметная воплощённость всего вокруг просто игрушкой, содержимым какого-нибудь стеклянного снежного шара. Температурный столбик на минусе — зима выхаживает стужу...

На первом, в большой просторной комнате — гигантское панорамное окно, выходящее на восточную сторону — туда, куда при первом знакомстве отошла терраса, а теперь стоит разоблачена. Испаряющийся с утра дымок тумана обнаруживает там и тут разных маленьких животных, заплутавших к дому из леса. Высокий потолок из железного дерева чёрными перекладинами склоняется в правый от панорамы угол, внезапно заканчиваясь отвесом книжных полок. Ветхие и новые, фолианты и брошюры, рукописи смотрели на улицу, где в терпении холода корнятся деревья: они не пристают друг к другу и не сильно отдалены. Стремящиеся в ткань пространства их ветки раскрывают вдали цепи величественных гор, которые лежат ежовыми коврами над миром, скальными горбами замёрзшие в веках, — очертания их начинаются там, где кончаются кроны безлистья. Уходящий сезон еще скован февральскими оковами, которые бессильно бьются о стены, оберегающие живое тепло коттеджа. Паркетный пол в метрах двух от окна покрыт паласом, на котором расположились кожаная лежанка в призматическую решётку, низкий стеклянный стол и три стула с ним в рост: два по одну сторону, один — по другую. Тут же на столе, в скатерти отражения ветвей, лежат сотовый телефон и томик но-

велл Аллана По, закладка на «Похищенном письме». В этом участке комнаты по-мягкому ярко тем особенным светом, когда, отражаясь от снега, озимый перистый луч солнца обретает его холодное настроение и становится матовым.

На одном из стульев сидит человек в бордовой водолазке и вельветовых к серому джинсах: у него короткие чёрные волосы и борода средней длины, скулы едва хотят представиться, а сочетание строгого носа, карих глаз над тёмными кругами и выразительных бровей играет симфонию ворона. Закинув ногу на ногу, он подпирает левой рукой подбородок, задумчиво смотрит в окно, за террасу, по деревьям, через весь горный хребет, словно каждая его мысль берёт начало в том недостижимом для взора месте и сообщением зрения проникает в сознание:

“Туман почти рассеялся.... В висках давит. Сказал? Дед сказал им?! Что мне делать!? Не его вина, всё так. Хотя ведь... Выезды. Дороги. Должны же охранять выезды! Не выйти. И полдень уже. Где они? Уже полдень, а пусто. Нашли бы уж, если рассказал. А он только лицо моё знает, да и фамилия не та...”

Внезапно — вороний крик. Он вздрогнул. Всякий раз, задумавшись о чём-либо, терял счёт времени. Он ждал вторжения, чувствовал, что это томительное одиночество вот-вот будет потревожено. Не то чтобы его предупредили, но обстоятельства утра подсказывали, что иначе быть не может. Сколько у него ещё времени — загадка, но одно он знал точ-

но — это изменит его жизнь на до и после. К своим двадцати восьми годам ему волей-неволей приходилось иметь дело с полицией, иногда даже по прямой вине, но ещё ни разу он не предвидел за этим каких-либо осложнений для себя, никогда не беспокоился: всё заканчивалось без проблем. Сейчас же случай был социально-из ряда вон. Первое воспоминание — и вообще картотечную запись с файлом «полиция» в его памяти — он видел из детства, когда ему было четыре года. Отец привёз его отдыхать к своим родственникам, сестре и двум братьям, в горный посёлок. У всех, кроме тёти, уже были свои семьи. Большую часть времени он проводил с ней. И вспоминалось, как он играл перед подъездом четырёхэтажного дома, обнимал руками толстенный поручень красного цвета с проржавевшими бликами, который тянулся вдоль всей подъездной дороги, ограждая игровую площадку от транспортного покушения. Неизвестно, что из себя представляла игра, в которой нужно обниматься с этой трубой, но у детей своя фантазия, богатство которой выходит за рамки словесной кисти. В какую-то секунду началась шумиха: множество людей через двор бежали к рынку возле дома и зло кричали. Вопящий табун наваждения. Сознание ребёнка смешалось бритвами хаоса. Он не мог ни понять, ни отвергнуть того, что видел. Детская чистота болезненно пропитывалась тенями в воспитательном столкновении разума с признаками насилия и дикости. Кто-то взял его под ручку и пошёл в самую гущу. Другой повёл бы прочь, но любопыт-

ство вкупе с чувством ответственности привели к тому, что оставить ребёнка в объятиях с трубой было нельзя, а пропустить зрелище — тем более. Так он увидел своего отца в пучине драки с полицейскими. И заплакал. Потом увидел там же и дядю, и теперь плакал спокойнее, потому что папа не один. А когда увидел и другого дядю, то уже чувствовал в себе силу и смелость помочь. Он вырвался из рук (и по сей день не помнит чьих) и со всей жалости бросился к отцу. Но что он мог в свои детские годы!? Лишь заключить его в объятия, которые чудом открытой и беззаветной любви растерянного доброго мальчика рассеют зло безумного взрослого мира, отчего распалённый отец забудет всё происходящее, возьмёт его на руки и пойдёт домой, — так всё и кончится. Но случилось иначе.

Он встал, медленно зашагал перед окном. Каблуки ботинок препинали мерную поступь точкой, эхо которой разливалось хрусталём по комнате. Книги на полках без слуха внимали этому действию, и сам потолок обращал наблюдение в образ. Послышался лёгкий вой: ветер наплыл на террасу и сразу залёг. Падением обдул жемчужно-бархатный татами за панорамой. В воздух взмыли сахарные махринки и безоглядно полетели за ограду террасы на свиданье с деревьями. Затихло... Станным образом время замедлилось, а крупинки снега забыли о гравитации; устало и нежно они проплывали через пространство, иногда застывая на передышку — в микроскопе внимания их узорчатые мелкие иголки,

отливавшие опаловым серебром на морозе, открывали миры зазеркалья в пробелах ледяного орнамента, в которых разум осматривал прежние годы, почти заслонившиеся в тоске: дорога зимой, школа, холодные коридоры с бумажными вырезками снежинок на стёклах окон, беззаботность тихого в детских сердцах, шумное веселье в движениях, замечания учителей, глоток перемены и предвкушение привычного, что скоро станет ланью ностальгии в памяти окоченевших от жизни людей прошлого, по инерции ставших взрослыми.

Он снова сел. Позади него, чуть далее от двери в подвал, репродукция картины «Космическая композиция» Пауля Клее. Казалось, что висит она здесь уже бесконечно, и никогда не была написана. Прямо под ней глиняный горшок с цветком пуансеттии. Красная, как кровь, она гармонирует с полотном. Отстранение метрического возвращает назад стечением об стол: мужчина погладил колено и зажал чашку костями в скрип кожи. Через стеклянность от пола книжным изгибом в белёсое небо его профиль рисуется красками пасмура.

Время проплывало и расступалось, замирало, теряя сцепление событий и следствий. Как забитая в уши вата, часы, пролетавшие мимо измерений, закладывали разум пеленою минуты. И снова тишина, тишина как шум: звуки-оборотни, играющие в прятки. Не менявшаяся уже долгое время погода превращала жизнь в отсутствие художника, направляя атмосферу на душе стягивать за окном в невидимый центр воз-

душное волокно, сдавливая солнце в обсидианову бездну. Мужчина поднял грудь и громко выдохнул, смял в безразличие губы и повернул голову к столу, переводя взгляд на поверхность, где увидел чьё-то лицо: нахмуренные брови были под ношей, а глаза колебались сомнением. Он свёл левую руку с правой, прорезав кисти фалангами пальцев. Потом повернул слившиеся воедино ладони и вытянул вперёд, прохрустев двумя-тремя костяшками. Когда руки освободились, стал продавливать правую ладонь большим пальцем левой, ведя от центра кверху по всем пястным костям, тем самым массируя кисть. Загуляли глаза: то шли к ботинкам, то к часам на руке; вот взгляд подобрался к раме огромного окна, затем перешёл к дальней от мужчины ножке стола, после чего он моргнул — веки опустились в скользком мгновении, а когда он устало поднял их, его взор был снова в мании гор. Ладони теперь потирали одна другую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.